

9. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, 1994. – 330 p.
10. Mishlanova S.L. Metafora v meditsinskom diskurse [Metaphor in medical discourse]. Perm, Perm University, 2002. – 160 p.
11. Chudinov A.P. Ural'skaya shkola politicheskoy metaforologii kak napravlenie politicheskoy lingvistiki [Ural School of Political Metaphorology as a direction of political linguistics] // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Language Studies]. 2023. – № 4 (55). – Pp. 55-58.
12. Maslova, V.A. Homo lingualis v kul'ture [Homo lingualis in culture]. Moscow, Gnozis, 2007. – 320 p.

**Куприянычева Екатерина
Андреевна**

старший преподаватель
ФГАОУ ВО Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь
katya_bukreeva@mail.ru

**Kuprianycheva Ekaterina
Andreevna**

senior teacher
FSBMEI HE Perm state national research university, Perm
katya_bukreeva@mail.ru

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №1. С. 28-43
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 1. P. 28-43

Научная статья

УДК 81-11

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-28-43>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

КУЛЬТУРА ДИСКУРСА И ЛОГИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Василий Иванович Сенкевич

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь

sienkiewicz@tut.by

Аннотация. Статья посвящена антиномии дискурса речевой деятельности и логики вербального поведения. Мир объективно существующих явлений противопоставляется реальности сознания, манифестирующего феноменальную реальность «для нас». Дискурс анализируется не в связи с понятием культуры отдельных носителей, а как значимое в любой культуре явление. Феномен логоса рассматривается в свете цивилизации и ментальных состояний пользователей языка. Отмечается, что язык сопрягает в себе восприимчивое и монументальное – сущность и существование. Постулируется, что лингвистическая попытка осмыслить мир как целокупность познаваемого и познающего осуществима на принципах рецептивной феноменологии. Противопоставление общения и коммуникации проливает свет на сущность логоса и его вербальное воплощение в слове *Homo loquens* (Человека говорящего).

Ключевые слова: дискурс, логос, речевая деятельность, вербальное поведение, общение, культура, цивилизация

Для цитирования: Сенкевич В.И. Культура дискурса и логистические аспекты вербального поведения// Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №1. С. 28-43. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-28-43>

CULTURE OF DISCOURSE AND LOGISTIC ASPECTS OF VERBAL BEHAVIOUR

Vasiliy I. Siankevich

Brest state A.S. Pushkin university, Brest, Republic of Belarus

sienkiewicz@tut.by

Abstract. The article is dedicated to antinomy of discourse of speech activity and logistic of verbal behaviour. The world of objectively existing phenomena is contrasted with the reality of consciousness, manifesting phenomenal reality “for us”. Discourse is analyzed not in connection with the concept of culture of individual speakers, but as a significant phenomenon in any culture. The phenomenon of logos is examined in the light of civilization and mental states of language users. It has been noted that the language combines the receptive and monumental – essence and existence. It is postulated that the linguistic attempt to comprehend the world as the totality of knowable and knowing is feasible on the principles of receptive phenomenology. The opposition between interaction and communication sheds light on the essence of logos and its verbal embodiment in the word of Homo loquens (speaking human).

Keywords: discourse, logos, speech activity, verbal behaviour, communication, culture, civilization

For citation: Siankevich V.I. Culture of discourse and logistic aspects of verbal behaviour, *Linguistics & education* 2024;1:28-43. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-28-43>

Введение

Исходная предпосылка статьи – постулирование этологической сущности общения как феномена цивилизации, противопоставленного культурно значимому дискурсу, т.е. речевой деятельности. Поводом для размышления стала парадоксальная мысль, касающаяся «несуществующих сущностей сознания» (Э. Гуссерль). Реальным оказывается все, чего в действительности не существует, однако *для нас* несомненно *есть*: «...самое близкое для моего познания – это моя реальность и «я» как реальность» [10, с. 100]. Словом *есть* отмечается сущность (essentia), а не существование (existentia). «Утверждение, что кто-то или что-то есть, относится к сущности лица или вещи, а не к его или ее видимости» [14, с. 50].

В слове звучит правда или обман. Однако в действительности правды нет. Правда не открывается, как истина, а творится. У каждого «своя» правда, как и «своя» жизнь, «свое» мнение, «свои» мысли т. д., – все, не имеющие ничего общего с личной собственностью. Реальное для одного «свое» часто оказывается абсолютно нереальным для другого. «Своя» реальность получает овеществление

(воплощение) в слове и оказывается для каждого пользователя предельно достоверной и близкой.

«Живое слово живого человека» (М. Бахтин) как инструмент опытного познания корреспондирует с виртуальными интенциями сознания – мыслями, мечтами, фантазиями, воображением и т. д. – и не причастно к жизни. Слово есть *сама* жизнь, составляющей которой выступает и неотъемлемая от нее вербальная этология – поведение человека (ср.: белорус. *наводзіцца* ‘жыцца’ ТСБМ, 3, 477). Общение как опыт (не) вербального поведения не является коммуникативной практикой. Мотивированное характером человека поведение никак не связано с волеизъявлением. Слово не дело.

Феномены сознания (правда, мысли, утхи, душевные порывы и др.) не являются когнитивными концептами. Это сущности сознания, изучаемые феноменологией – «учением о сущностях» (М.-П. Морис). Для ортодоксального мышления непонятен сам тезис, что «есть только то, чего нет», ср.: *Стало быть, тот бог есть же, по-вашему? – Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф. Достоевский «Старцы»). Воплощенная в «языке сущностей» (М. Хайдеггер) реальность изучается феноменологической лингвистикой [11]. Практические и теоретические знания в этой сфере сменяет опыт непосредственного познания и сопутствующая ему животворящая мудрость.

Цели и методы исследования

Цель исследования – изучение антиномии дискурсивной культуры и слова как воплощения цивилизованного характера вербального поведения.

В статье применяется антиномический метод – «от обратного», т.е. осуществляется познание сущности всего через то, что ею не является (не относится к миру явлений, не показывает и не дает себя познать). Этот феноменальный метод заимствован в лингвистику из философии познания [11] и известен своим использованием парадоксов в области традиционного ортодоксального знания (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.О.

Лосский и др.). «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» [13, с. 185].

На пути «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) определяется и выносится за скобки то, что существует как данное, противопоставленное всему, что «*есть для кого*» – со всей очевидностью присутствует в восприятии и вербально манифестируется (воплощается) в слове [7, с. 15-31]. Негация «не является» выводит интенции (сущности) сознания из области существования и помещает их в свою сферу². Выведение познаваемого из области позитивных определений («заклучение его в скобки») благоприятствует познанию всего сущностного. Возникают антиномии, включающие единицы, имеющие отношение к системе, и элементы, касающиеся гармонии: речевая деятельность (*vs* вербальное поведение), воля (*vs* свобода), акт (*vs* поступок), изменения (*vs* перемены), демонстрация (*vs* манифестация) и др.

Методология феноменологической рефлексии носит предельно имплицитный характер. Однако это не мешает взять за образцы логистические (текстовые) фрагменты, противопоставив им в качестве примеров убедительные дискурсивные экспликации. Число анализируемых примеров дискурсивных практик и перечень дескрипций, касающихся «опытных» образцов, внушающих уверенность, не может быть одинаковым. В одной дескрипции воплощается что-то целостное и предельно глобальное.

Полученные результаты и их обсуждение

Прежде всего необходимость признать антиномию деятельности («дела») и поведения. Делать – значит целенаправленно причинять что-нибудь, активно проявляя себя в тех или иных актах. Деятельность предполагает обстоятельства (*открылись новые обстоятельства дела*). Любая деятельность, в том числе и речевая, не происходит без «чина» – причиняющего воздействия и подчинения. Причина деятельности выясняется: *Почему ты так сделал? Почему так произошло?*

---

² «Говоря о Боге, мы не можем установить, чем Он является, а лишь чем Он не является» (Ф. Аквинский).

Вербальное поведение осуществляется без причинения и подчинения. Здесь причина сменяется поводом. Поведение вызывается (польск. *powodować* ‘вызывать’ PSJP). Результативное воздействие уступает место благотворному влиянию, обстоятельства – условиям, подчинение – послушанию. Любое подчинение предполагает зависимость от установленных положений. Режиму же послушания знакомы только санкции – разрешения и запреты, ср.: *Не положено!* Однако: *Нельзя*.

Повод служит оправданием поведения: *Что послужило поводом...?, А есть ли повод для...?* Ищутся самые разные поводы, мотивирующие поступки: *повод познакомиться, повод задуматься, повод сомневаться, повод переживать, повод для недовольства* и т. д. Чтобы поговорить (переговорить, заговорить) причина не требуется – нужен повод: *Знакомство с историями из книги создаст хороший повод поговорить на новые темы о мире животных, организовать полезный досуг, отдохнуть и одновременно позаниматься* (Е. Молчанова «Коля, Оля и млекопитающие: логопедическая энциклопедия»).

Речевая деятельность дискурсивная (рассудочная). Наиболее точным определением дискурса представляется трактовка его как события. Т.А. Ван Дейк считает, что «в общем плане дискурс является коммуникативным событием, происходящим между партнерами по коммуникации в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте [8, с. 204].

Основным свойством дискурса является коммуникативность, т.е. способность донесения информации. В общем виде дискурсивное умение проявляется в речевом действии по глаголу *сказать*. «Существо языка есть сказ. Сказ дарит слышание языка и тем самым речь» [17]. Коммуникативное действие «сказывание» следует понимать в значении показа. В глаголе *сказать* содержится идея демонстрации, преследующей цель формирования видимости и представления языковой картины мира.

Трактовка дискурса как «дела» согласуется с его институциональной природой (ср.: «дело Закона» – апостол Павел) [5, с. 25]. Речь «идет» и «заходит».

Существует «беглая» речь и «беглое» произношение. Забег ассоциируется с оперативной деятельностью (ср. польск. *zabieg chirurgiczny* ‘операция’ PSJP). В речи отталкиваются от «данного», что напоминает движение бегуна. С понятием толчка-причины связано жаргонное выражение *толкать речь*: *Старичок толкал речь, солдаты стояли с понурыми головами* (Д. Каполь «Посланник железного бога»).

Дискурс является актуально членимой и членораздельной речью. В процессе сообщения проявляется желание поделиться новым: *делиться* ‘передавать, сообщать кому-л. что-л.’: *делиться знаниями, поделиться информацией* (МАС, 1, 382); *Было похоже, что он хочет что-то рассказать. У людей, живущих одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали* (А.П. Чехов «О любви»). В истории классической философии понятие «дискурс» употреблялось в противовес интуитивному схватыванию целого. Воплощенная в поэтическом слове неделимая сущность вещей («несказанное, синее, нежное» С. Есенин) оказывается дискурсивно недоступной.

Функционируя в качестве основного средства коммуникации, язык не может не быть формой проявления культуры. Языковая личность обременена культурной дискурсией. Понятие *ноша* определяется как информация (*носитель информации*), знания (*носитель знания*), идеология (*носитель идей*) и т.п. Бытующее в современной лингвистике понятие «культура речи» связано с различными культурно-нормативными регламентациями [12, с. 119-121].

Суждения о культуре речи обычно содержат идеологические и философские декларации, относящиеся к общей культуре носителей языка, сохранности культурных традиций и духовных ценностей. Требование кодификации речевой культуры проявляется в правильности и чистоте выражения. Известно, что Мишель Фуко рассматривал развитие всей западной культуры через призму дискурса [15].

Человечество проходит *путь* цивилизации. Сущность цивилизации становится доступной через то, чем она не является, – культуру. Известна мысль

А. Бердяева, что цивилизация есть смерть духа культуры [2]. Искусство слова не то, что культура речи. Антиномия культуры речи и цивилизованного слова – это противопоставление дискурсивного (рассудочного) и логистического (интуитивного); дискурс (vs логос). В глобальном смысле это противопоставление «логии» (слова) и «ургии» (дела; греч. *εργο*, *-ергия*; *ergasis*; *ergon* – действие).

Логос – ключ к глубинам человеческой мудрости, присутствующий в слове. Дискурс является кодом, открывающим сокровищницу мировой культуры. Предельно рельефно антиномия дискурса и логоса воплощена в «Нагорной проповеди»: *«Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»* (Мф. 5: 28); *«Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему [...]»* (Мтф. 5: 39).

Говорение – состояние общения (обмена мыслями, чувствами, впечатлениями). Жизнь предстает чередой обыденных и официальных переговоров человека, независимо от его возраста и сферы занятости. Переговоры характеризуются эффективностью, условиями проведения, техникой, режимом и пользой. Необходимость «поговорить» сопровождается стремлением к достижению обоюдного консенсуса и решению насущных вопросов. Успех переговоров не зависит от коммуникативных (не) удач.

Человек говорит не потому, что он этого хочет. К говорению его подвигает осознание, что ему «чего-то не хватает», ср. «отсутствие присутствия божественного» [16, с. 252]. В ситуациях осуществления логоса не должен проявляться формальный аппарат логики: *«Наташа, оставшись с мужем одна, тоже разговаривала так, как только разговаривают жена с мужем, то есть познавая и сообщая мысли друг друга, путем, противным всем правилам логики, без посредства суждений, умозаключений и выводов, а совершенно особенным образом (Л. Толстой «Война и мир»)»*.

Человеческий язык – постоянная инициация (испытание). Это первый опыт творчества в жизни, ориентируясь на который, каждый в состоянии успешно использовать его в прецедентных ситуациях. Говорят локально (конкретно) либо глобально (широко) – об *одном* и обо *всем*. В логистических манифестациях обнаруживается стремление к холизму – состоянию целостности: *Живи і цільнасці шукай* (М. Баглановіч). Все имманентно всему, в каждом атоме – все миры: «Все в одном, одно во всем; одно в одном, все во всем» (лозунг школы Хуаянь)³.

В свете интуиции опыт познания словом предстает как загадка обыденных вещей и узнавание знакомого в восприятии. «...Интуиция представляет самую сущность нашего духа и, в известном смысле, самую жизнь» [1, с. 125]. Логос избавляет человека от существующих рациональных схем, возвращая его к самой жизни; «λόγος есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилуя жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой радости, ее глубоких задач» [18, с. 3].

Манифестация сознания *Homo loquens* проходит в режиме его присутствия, непосредственной рецепции и осмысления реальности. Логистический параметр общения характеризуется непревзойденным искусством встраиваться в человеческое сознание и управлять им с помощью слова. В общении, как и в мифологическом сознании, ничего не дано как таковое. Это мифичный путь изображения самости вещи («что для меня?»), а не способ представления предметов (явлений) как объективно данных.

В дискурсе ценится новизна («Что нового?»). Предложение актуально распадается на данное («тема») и новое («рема»). Однако кроме нового и старого есть вещи еще неизвестные или уже знакомые, ср.: *Я знаю – Мне известно*. Новое является результатом изменений, неизвестное – итог перемен (*свежий ветер перемен*). Неизвестное – свежее (*последние известия*), (ср.: *свежий взгляд*,

---

³ Известен холистический взгляд на вселенную, воплощенный в философии буддизма хуаянь. Это учение, признающее, что ни одна вещь, ни один элемент опыта не представляют собой оторванную от других сущность.

свежий порыв, свежий номер газеты). Последним словом в технике называют еще небывалое («чудо техники»).

Аналогия говорению замечается в динамике хождения. Перемещаясь с места на место, проходя путь и вечно возвращаясь к своему исходному состоянию, человек, фактически, никуда не идет. Циклический «ход» присутствует и в общении (*ход общения*). Польское «*chodzi o...*» эквивалентно русскому «*говорится о...*». Говорение – поточное состояние человека. Название языка обыденности в польском языке – *towa potoczna* (ср.: *Życie się toczy...*).

В поточном состоянии альтернативность сменяется селективностью. Элементы словесного потока «фильтруются» (Ср.: жарг. *Фильтруй базар*). При этом всегда ищется элемент, гармонично вплетающийся в целое: «Как я найду слово? Иногда это может случаться так, словно я сопоставляю тончайшие оттенки запахов: это чересчур... и это тоже слишком... – а вот это в самый раз. [...] Слово вертится у меня на языке», говорит тебе: слово, подходящее к данному случаю, ускользнуло от меня, я надеюсь вот-вот его найти» [4, с. 371].

На общение распространяются все логистические параметры: восприимчивость, переменчивость, обусловленность, вероятность, поступательность, прерывность, успешность, настроенность и др. В переводе Библии на китайский язык слову λόγος соответствует иероглиф 道 – ‘путь’⁴. Суть вербальной логистики заключается в поиске путей продвижения продукта – слова – к адресату. Актуальный выбор сменяется здесь поиском адекватного решения, ряд – линией, удача – успехом и т. д.

Общение – вечное. Время сменяется феноменом «пора», момент – мгновением (мигом). Беседа не тянется, а *длится*. Мгновения прессируются в одно целое – феноменальный опыт «вот»-реальности, интерпретируемый («прочитываемый») говорящими: *А не продлить ли нам еще на год, вот это вот* (Вл. Вишневский). Паттерны вербального поведения не повторяются заново, а прецедентно (еще и еще раз) обнаруживаются, преемственно «кочуя» из одной ситуации в другую.

---

⁴ Ср.: Боровой Л. Путь слова. Очерки и разыскания. М., 1974.

Логистика общения не обходится без целокупности, где обнаруживается этический аспект (не) совместимости (*Не сошлись характерами. Не сошлись во мнении. Не сходится ответ с решением* и т.п.). Если кто-то с кем-то в паре, то их не двое (собрив.), а они – вдвоем (совокуп.); собрание (*vs* сходка). Для каждого кратного элемента есть его «другое» – («свой») элемент).

Аналогия общения – танец. Как и в танце, в общении, присутствует поведенческий «спаринг»: «[...] все танцуют один танец под одну общую музыку, но разбиты на пары. Пара есть минимальная единица потребности человека в человеке. [...] Пара имеет некий совместный интимный мир, исключительно важный для находящихся в ней» [9, с. 466–467]. Танцующие находятся со всеми и наедине: *Она видела, что они чувствовали себя наедине в этой полной зале* (Л. Толстой «Анна Каренина»). В целокупной парности обнаруживается предельная близость – сплоченность: *приблизиться вплотную 'подойти очень близко'* (МАС).

В условиях «наедине» место «свидетеля по делу» принадлежит арбитражному «секунданту» – смотрящему за поведением и сверяющему поступки соперников (не конкурентов!) с принятыми образцами поведения. Для общения подходит уединенное место, напр., беседка: *Во время нашей встречи мне ужасно хотелось уединиться с ней и поболтать по-девичьи* (С. Букина «Неоднажды в Америке»). Собеседники не партнеры (Я – Ты), а напарники (*сам-друг*)⁵. *Когда я теперича с тобой сам-друг, так мне хоть все огнем гори!* (А. Островский «Грех да беда на кого не живет»).

В беседе как творчестве соавторов не конструируется институциональная действительность, а продуцируется совместная виртуальная реальность. Это сознательный или подсознательный порыв навстречу друг другу и неисчерпаемая жажда взаимного познания. Институциональные «измы» сменяются здесь недискурсивными «озами» (*апофеозность, виртуозность, грациозность, грандиозность* и т. д.).

---

⁵*Сам-друг* – вдвоем, *сам-третий* – втроем и т. д. *Надо уйти от всего, побыть сам-друг с природой* (В. Я. Шишков «Угрюм река»).

В паре непременно есть старший, или ведущий. В силу превосходящего совершенства и тотального доминирования его принято слушать. Для слушателя он – «свой». У него в «послушании» находятся «подданные» – ведомые.⁶ Для ведущего они – «мои». «Грех» поведения, не исключая и вербальное, – непослушание. Слушатели – источник власти говорящего.

Для уединенного общения не обязателен другой человек. Место другого занимает все, к чему кто-либо испытывает склонность: *уединиться с книгой, наедине со своими мыслями, наедине с природой*. Наедине с самим собой человек не одинок – с ним его рефлексия: *Ей хотелось остаться наедине со своими переживаниями*. (О. Володарская «Призрак большого города»). Не исключается и беседа с самим собой: *Лунною тропею на свиданье еду / Тихо сам с собою тихо, сам с собою / Я веду беседу* (песен.).

Вербальное поведение характеризуется предприимчивостью. Вопросы «Что сделать?» и «Что предпринять?» абсолютно не тождественны: *А что теперь делать? Что предпринять? И вообще предпринимать ли и делать ли что-нибудь в защиту Туберозова?* (Н.С. Лесков «Соборяне»). Предпринимательский принцип звучит в словах «Взял и...» (ср. польск. *przedsięwzięcie* ‘предприятие, проект’ PSJP): *Взяли и заехали* (А. Чехов «Шведская спичка»).

Предприятие осуществляется «на свой страх и риск». На него необходимо *решиться*. Каждое предприятие, не исключая и вербальное, проходит вопреки институциональным установлениям и нормативной значимости. Вместо значения – смысл, вместо результата – эффект, вместо системы – гармония и т.д. Логистический исход (архе) в человеке не качество личности, а черта его характера, готовность к испытаниям. Вербальная предприимчивая логистика составляет антитезу предопределенности системе: *Человеку сильному и предприимчивому тяжело подчиниться общинным порядкам, которые прежде всего обезличивают его, налагают путы на предпринимаемые им поступки,*

---

⁶ Меня слушает *мой* слушатель.

вторгаются в его жизненную обстановку и вообще держат под угрозой «сравнения с остальными» (М. Салтыков-Щедрин «Мелочи жизни»).

Х.-Г. Гадамер – немецкий философ второй половины XX в., известный своей «философской герменевтикой» – воспринимал звучащее и фиксированное на письме слово как дерзновенное предприятие: «Сущность языка, похоже, образует способность слов, вопреки определенности и установленной языковой значимости, обладать веером смыслов, и в подобной гибкости обнаруживается своеобразная дерзость такого предприятия, как выговариваемое слово (разрядка наша – В.С.) [6, с. 267]. Предприятие не причиняется, а иницируется. Предпринимая, не начинают что-нибудь делать, а приступают к осуществлению чего-либо. Предпринимается не проба, а попытка. Что-то не планируется, а задумывается и замышляется. В итоге предпринятых попыток ничего не выходит, как в деятельности, а только получается: *Окруженный отряд уже предпринял несколько попыток вырваться из окружения, но у них ничего не получилось* (А. Сидоров «Предназначение»).

Говорящий человек, стремясь к совершенству и пытаясь сменить все привычное, дерзает. Дерзновение – черта характера, противопоставленная нерешительности: *До смерти отца своего он, впрочем, не решался предпринять что-нибудь решительное...* (Ф. М. Достоевский «Бесы»). Дерзновение обнаруживается в душевном порыве – неожиданной атаке, высказывании. Это всегда неожиданный вызов чему-то устоявшемуся и общепринятому – порядку, косности, привычке и т.д. Предприятие – не действие, а поступок (шаг) к осуществлению задуманного: *предпринять первые шаги, предпринять наступление, предприняли атаку, предпринять поход, предпринять путешествие* др.

В вербальном предприятии – слове – осуществляется защита своих принципов, привилегий, чести. Собственные интересы здесь не котируются. Есть «слово защиты», «слово правды», «слово чести» и т.п. Словом оправдываются, не объясняясь. В слове акцентируется апологетический аспект (от греч. *ἀπολογία* – защита, оправдание) и свобода (*свобода слова*). Однако в

слове не востребована категория права. Положения «качать права», «переходить на личности», «делиться информацией» и т.п. поведенческим логосом не приветствуются.

Слово не предназначено для убеждения. В нем воплощается аспект уверенности: *Уверен – у вас все получится* (разг.). *Ничего, распогодится...* (В. Высоцкий). Всякое предприятие по своему исходному замыслу ориентировано на сопутствующий успех (ср.: *получилось* – успех; но: *вышло* – удача). Феномен риска отсутствует в спланированном дискурсе, т.е. в намеченной последовательности речевых действий, с указанием времени и обстоятельств их выполнения.

Характерная для логоса рефлексивность (отзывчивость) не является личным свойством; это неотъемлемая черта характера человека: ***Восприимчивость и отзывчивость*** составляют едва ли не самое драгоценное достояние человека (М. Салтыков-Щедрин «Пестрые письма»). Иначе обстоит дело с откликом – активным проявлением субъекта (*откликнуться на просьбу, откликнуться на событие* и т.п.). Отклик бывает желательным или нежелательным, однако не является резонансным – не рассчитан на эффект, ради которого осуществляется отзыв.

Вербальным поведением знаменуется ментальная сфера человека – целостная совокупность его мировосприятия. Доминирующий принцип становящейся ментальности – мимесис (подражание). Это не причастность, а самость (*само подражание*): «Подражание устраивает человеческий характер не по принципу копирования отдельных свойств, но посредством интуитивного опознавания некоторого «устроения» [3, с. 51]. Ментальность обнаруживается в аспекте повседневного автоматизма и осознанности вербального поведения человека – в его привычках и моделях, стереотипах и предпочтениях, импрессии (впечатлении), обнаруживающихся в посюстороннем и потустороннем (мифическом) опыте познания.

Выводы

Антиномия речевой деятельности и вербального поведения открывает перспективу исследования языка не только как формы и средства коммуникации. В бытующей ортодоксальной точке зрения на язык как на функционирующую систему знаков игнорируется феноменальная сфера сознания – мир человеческих уверенностей и достоверных смыслов, присутствующий в состоянии размышления и непосредственного («живого») воплощения их в слове. В отличие от коммуникативной речевой практики ход общения не направлен на формирование и установление монументальных определений, а ориентирован на гибкую восприимчивость человека, его становление (рост) и совершенствование. В поточном состоянии общения действительное единое и раздельное сменяется реальным целым, отдельное – конкретным, общее – глобальным (генеральным), знак – сигналом, передача – посылом и т.д. Возврат в ситуации общения к самой реальности сопровождается повышением эффективности этого предприятия, освобождением от случайного, сокращением трудовых усилий, возрастанием степени достоверности и возрастанием уверенности самого говорящего.

© Сенкевич В.И., 2024

Список источников

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания: материя и память / А. Бергсон // Собрание сочинений в 4 т. – М.: Моск. клуб, 1992. – Т. 1. – 325 с.
2. Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/predsmertnye-mysli-fausta-177253/chitat-onlayn/> (дата обращения 05.01.2024).
3. Ватопедский И. Слова утешения: беседы о духовной жизни и о монашестве / старец Иосиф Ватопедский; [пер. с греч. братии Богородице-Сергиевой Пустыни]. – Богородице-Сергиева Пустынь, 2005. – 469 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 544 с.
5. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 367 с.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Ханс-Георг Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
7. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль; пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Акад. проект, 2011. – Т. 2, ч. 1 – 565 с.
8. Дейк Тён ван. Язык. Познание. Коммуникация / Тён ван Дейк; пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст.: Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 309 с.

9. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. – Т.1. – С. 386-392.
10. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – 586 с.
11. Сенкевич В. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В. Сенкевич. – Седльце: W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 369 с.
12. Скворцов Л.И. Культура речи // Русский язык. Энциклопедический словарь. – М., 1979. – С. 119-121.
13. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: [т. 2] / Историограф. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Правда, 1990. – 446 с.
14. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Каменкович. – М.: Прогресс, 1986 – 238 с.
15. Фуко М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко; пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
16. Хайдеггер М. Отсутствие святых имен // М. Хайдеггер Положение об основании. Статьи и фрагменты. – СПб.: Алетейя, 2000.– 376 с.
17. Хайдеггер М. Путь к языку. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/put_k_yaziku (дата обращения 08.01.2024).
18. Эрн В.Ф. Борьба за логос; Г. Скворода. Жизнь и учение / Владимир Эрн. – Минск: ООО «Харвест»; М.: АСТ, 2000. – 589 с.

Словари

19. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985-1988.
20. ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: у 5-ці т. / Пад рэд. І.Л. Капылова. Мінск: Беларус. энцыкл., 2016. – 967 с.
21. PSJP – Popularny słownik języka polskiego.– Warszawa: PWN, 2002. – 1304 s.

References

1. Bergson A. Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya: materija i pamjat' pamjat' [Experience about the immediate data of consciousness: matter and memory] / A. Bergson // Sobranie sochinenij v 4 t. – М.: Mosk. klub, 1992. – Т. 1. – 325 s.
2. Berdjaev N. Predsmertnye mysli Fausta [Faust's dying thoughts]. Available at: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/predsmertnye-mysli-fausta-177253/chitat-onlayn/> (accessed 05.01.2024).
3. Vatopedskii I. Slova uteshenija: besedy o duhovnoj zhizni i o monashestve [Words of consolation: conversations about spiritual life and monasticism] / starec Iosif Vatopedskij; per. s grech. bratii Bogorodice-Sergievoj Pustyni. – Bogorodice-Sergieva Pustyn', 2005. – 469 s.
4. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty [Philosophical works] / L. Vitgenshtejn; per. s nem. M.S. Kozlovoj, Ju.A. Aseeva. – М.: Gnozis, 1994. – Ch. 1. – 544 s.
5. Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa [Ethics of transforme Eros] / B.P. Vysheslavcev. – М.: Respublika, 1994. – 367 s.
6. Gadamer G.-G. Gadamer G.-G. Istina i metod: osnovy filos. Germenevtiki [Truth and method: fundamentals of philosophy. Hermeneutics]: per. s nem. / Khans-Georg Gadamer; obshch. red. i vstup. st. [s. 5–36] B.N. Bessonova. – М.: Progress, 1988. – 699 s.
7. Gusserl' Je. Logicheskie issledovanija. Issledovanija po fenomenologii i teorii poznaniya [Logical research. Research in phenomenology and theory of knowledge] / Je. Gusserl'; per. s nem. V.I. Molchanova. – М.: Akad. Proekt, 2011. – Т. 2, ch. 1 – 565 s.
8. Deik Ten van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Cognition. Communication] / Ten van Deik; per. s angl. pod red. V.I. Gerasimova; sost. V.V. Petrova; vstup. st.: YU.N. Karaulova i V.V. Petrova. – Izd. 2-e. – М.: LENAND, 2014. – 309 s.

9. Lotman YU.M. O metazykyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury [On the language of typological description of culture] // YU.M. Lotman. Izbrannye stat'i: V 3-kh t. Tallin, 1992. – T.1. – S. 386-392.
10. Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury [Aesthetics. Philosophy of culture] / H. Ortega-i-Gasset. – M.: Iskusstvo, 1991. – 586 s.
11. Senkevich V. Fenomenologicheskaja lingvistika. Jeticheskie nachala i principy jazyka [Phenomenological linguistics. Ethical principles and principles of language] / V. Senkevich. – Sedl'ce: W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 369 s.
12. Skvorcov L.I. Kul'tura rechi [A culture of speech] // Russkij jazyk. Jenciklopedicheskij slovar'. – M., 1979. – S. 119-121.
13. Florenskii P.A. U vodorazdelov mysli [At the watersheds of thought] : [t. 2] / Istoriogr. st. igumena Andronika (A.S. Trubacheva). – M.: Pravda, 1990. – 446 s.
14. Fromm Je. Imet' ili byt'? [To have or to be?] / Je. Fromm; per. s angl. N.I. Vojskunskoj, I.I. Kamenkovich. – M.: Progress, 1986. – 238 s.
15. Fuko M. Muzhestvo istiny: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1983-1984 godu [The Courage of Truth: A Course of Lectures Delivered at the College de France in 1983-1984] / M. Fuko; per. s fr. A.V. D'jakov.– SPb.: Nauka, 2014. – 358 s.
16. Hajdegger M. Otsutstvie svjatyh imen [Lack of holy names] // M. Hajdegger Polozhenie ob osnovanii. Stat'i i fragmenty. – SPb.: Aletejja, 2000. – 376 s.
17. Hajdegger M.. Put' k jazyku [The path to language]. Available at: http://www.bibikhin.ru/put_k_jazyku (accessed 08.01.2024).
18. Ehrn V.F. Bor'ba za logos; G. Skovoroda. Zhizn' i učenje [The fight for logos; G. Skovoroda. Life and teachings] / Vladimir Ehrn. – Minsk: OOO «KharvesT»; M.: AST, 2000. – 589 s.

Slovary

19. MAS – Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. 3-e izd., ster. M.: Rus. jaz., 1985–1988.
20. TSBM – Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj litaraturnaj movy: u 5-ci t. [Tlumachal'ny slovník belaruskaj litaraturnaj movy: u 5-ci t.] / Pad rjed. I.L. Kapylova. Minsk: Belarus. jencykl., 2016. – 967 s.
21. PSJP – Popularny słownik języka polskiego [Popular Polish dictionary]. – Warszawa: PWN, 2002. – 1304 s.

**Сенкевич Василий
Иванович**

доктор филологических наук
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь
sienkiewicz@tut.by

**Siankevich Vasilij
Ivanovitch**

доктор филологических наук, профессор
Brest state A.S. Pushkin university, Brest, Republic of Belarus
sienkiewicz@tut.by